

Глава 6. Без принуждения.

—

Мяуканье черной кошки было мягким и тихим, с дрожащим хвостиком в конце, содержащим немного мольбы. Никто из них не двигался, черная кошка нерешительно опустила голову, осторожно вытянула передние лапы и сделала несколько шагов между ними, мяуканье стало более поспешным.

Цзи Юйчжоу с интересом посмотрел на Цзян Сюньюя: «Что это она делает?»

«Она, наверное, неправильно Вас поняла, подумала, что Вы, как и те люди раньше, пришли, чтобы меня ударить». Цзян Сюньюй медленно подошел к черной кошке, наклонившись, и снова погладил ее по пушистой голове: «Хороший, все в порядке, иди скорее».

Черная кошка прищурила глаза, из горла донеслось урчание, она снова оглядела Цзи Юйчжоу с головы до ног, словно что-то проверяя, и наконец, неохотно, оборачиваясь через каждые три шага, юркнула в траву рядом.

Цзи Юйчжоу тихонько рассмеялся за спиной Цзян Сюньюя: «Не ожидал, что у тебя такие хорошие отношения с кошками».

Цзян Сюньюй был прост душой, не мог понять намерения Цзи Юйчжоу, тихо и сбивчиво объяснил: «Просто иногда подкармливаю их чем-нибудь».

Цзи Юйчжоу ослабил воротник, медленно подошел к Цзян Сюньюю. Стук кожаных сапог был четким и сильным, совпадая с ритмом сердцебиения Цзян Сюньюя. Цзи Юйчжоу долго молчал, и Цзян Сюньюй постепенно занервничал.

Наверное, людям не нравятся дети, которые не говорят правду.

Руки Цзян Сюньюя под рукавами медленно сжались в кулаки... Бейте его, ругайте его, делайте что угодно, только не возвращайте его обратно в этот приют.

Именно в этот момент Цзи Юйчжоу тихонько рассмеялся.

«Очень мило».

Это было как для человека, который умирал от жажды в пустыне, вдруг протянули стакан чистой воды, или как для приговоренного к смерти преступника вдруг объявили о его невиновности. Цзян Сюньюй никогда не думал, что Цзи Юйчжоу может отреагировать так.

Цзян Сюньюй ошеломленно стоял, и улыбка в голосе Цзи Юйчжоу стала еще отчетливее: «Если в следующий раз захочешь навестить его, можешь просто сказать мне, я попрошу водителя отвезти тебя сюда».

«Спаси... спасибо Вам...» Цзян Сюньюй пробормотал, только его сердце все еще сильно билось, сотрясая грудную клетку оглушительным шумом.

Господин Цзи слишком хорош.

—

В течение почти месяца после этого Цзи Юйчжоу был занят государственными делами,

большую часть времени проводил вне дома, и даже возвращался только под утро. Цзян Сюньюй тоже послушно жил в доме, кроме ежедневных приемов пищи и сна, иногда разговоров с Сяо Си, он ни в коем случае не беспокоил Цзи Юйчжоу, работающего в кабинете, тихо ведя себя как невидимка.

Жар и духота знойного лета постепенно ушли, цикады на ветвях тоже постепенно утихли, и вот уже наступила осень.

Военные академии, как и обычные внешние школы, имеют зимние и летние каникулы. Каждый год осенью происходит набор новых студентов.

Вечером Цзи Юйчжоу редко появился, чтобы поужинать с Цзян Сюньюем.

Они давно не виделись. Цзян Сюньюй, кажется, еще немного вырос и стал бледнее, но все еще не набрал веса, его руки и ноги были тонкими, как бамбуковые палки. Увидев Цзи Юйчжоу за обеденным столом, он явно почувствовал себя неловко, нерешительно стоял рядом с Цзи Юйчжоу, спрашивая, не помешал ли он ему.

Цзи Юйчжоу улыбнулся: «Иди вымой руки, сегодня вечером мы поужинаем вместе».

Цзян Сюньюй тихонько промычал «угу». Время все же породило дистанцию. Он снова вернулся в то съежившееся состояние, как при первой встрече с Цзи Юйчжоу.

Цзян Сюньюй быстро вернулся к обеденному столу и сел. Блюда уже были поданы на стол, с клубящимся над ними горячим паром. Помимо обычной еды, была еще миска горячего супа из кукурузы и свиных ребрышек.

Цзи Юйчжоу поднес чашку с черным кофе к губам и отпил: «Экономка сказала, что тебе это нравится, поэтому я попросил ее специально приготовить. Ты сейчас растешь, ешь побольше».

«Спасибо, господин Цзи».

Цзян Сюньюй осторожно взглянул на Цзи Юйчжоу. Цзи Юйчжоу не собирался брать палочки, и Цзян Сюньюй только маленькими глотками пил молоко из своей чашки. Молоко оставило белое кольцо вокруг его губ, и он постепенно слизывал его языком.

Цзи Юйчжоу опустил взгляд, взял немного брокколи и положил в рот. Только тогда Цзян Сюньюй взял палочки.

Цзян Сюньюй ел очень быстро, рот был набит до отказа, щеки надулись, как у хомяка, набившего щеки едой. Годы голода и нищеты, жизнь от случая к случаю, глубоко врезались в память его тела, и это не так быстро изменится.

Словно вихрь, он закончил есть, затем обеими руками взял миску с супом из кукурузы и свиных ребрышек. Когда его губы почти коснулись супа, он внезапно остановился. Его светло-голубые глаза моргнули, он осторожно взглянул в сторону Цзи Юйчжоу: «Господин Цзи, Вы не будете пить?»

В приюте такое можно было увидеть только по праздникам, а из-за того, что Цзян Сюньюй сторонился, он не мог выпить его даже раз в несколько лет. Говоря, что он любит суп из кукурузы и свиных ребрышек, он на самом деле имел в виду не столько вкус, сколько то, что в его представлении это было нечто бесценное.

В тот момент, когда он собирался начать есть, он вдруг вспомнил, что на столе всего одна миска супа из кукурузы и свиных ребрышек. Такая ценная вещь по праву должна была принадлежать более уважаемому человеку.

Сказав это, Цзян Сюньюй поставил миску, согнув пальцы, и пододвинул ее к Цзи Юйчжоу: «Я ее еще не трогал!»

Ребенок выглядел так осторожно, все эмоции были написаны на его лице. Если бы это был не тот, кого он сам привел домой, Цзи Юйчжоу мог бы подумать, что он специально пытается вызвать жалость.

Цзи Юйчжоу слегка прикрыл глаза: «Мне не нравится есть такое».

«Ох». Цзян Сюньюй снова подумал. В таком статусе и положении, как у Цзи Юйчжоу, чего он только не пробовал. Только тогда он смущенно взял миску обратно и молча принялся есть.

Цзян Сюньюй ел с большим аппетитом и сосредоточенно, но редко издавал звуки, сохраняя основные правила этикета за столом, что говорило о хорошем воспитании в детстве. Глядя на то, как он серьезно ест, даже Цзи Юйчжоу, привыкший не ужинать, неожиданно почувствовал аппетит и взял побольше еды.

Когда Цзян Сюньюй почти закончил есть, Цзи Юйчжоу легко постучал пальцами по деревянному столу и сказал: «Завтра день открытия нового учебного года в военной академии. Ты решил?»

Хотя Цзи Юйчжоу спрашивал его, хочет ли он учиться в военной академии, когда привел его сюда, методы обучения в военной академии отличались от обычных школ, и Цзи Юйчжоу все же хотел еще раз убедиться.

Цзян Сюньюй поставил тарелку и палочки, прикусил губу: «Вы там будете?»

«Конечно, — Цзи Юйчжоу слегка скривил губы, — Если ты поступишь в военную академию, то, вероятно, часто будешь меня видеть».

«Я хочу пойти».

Почти без колебаний, Цзян Сюньюй выпалил.

Сказав это, он почувствовал, что ответил слишком быстро, и смущенно почесал кончик носа.

Цзи Юйчжоу видел неловкость Цзян Сюньюя и почувствовал некоторое веселье. Он взял со стола рядом документ — заявление о добровольном поступлении в военную академию.

«Внимательно прочти. Если есть вопросы, можешь спросить меня. Если все в порядке, подпиши. Ты умеешь писать свое имя?»

«Угу». Цзян Сюньюй кивнул, сразу же перевернул на последнюю страницу и без колебаний, буква за буквой, подписал свое имя.

Цзи Юйчжоу слегка нахмурился: «Ты не умеешь читать? Я могу...»

«Не нужно, — Цзян Сюньюй впервые посмотрел в глаза Цзи Юйчжоу и ответил решительно, — Я немного учился украдкой, и, кроме того, я Вам верю».

Раз он согласился вернуться с Цзи Юйчжоу, он уже доверил себя Цзи Юйчжоу. Отныне его жизнь или смерть полностью зависели от Цзи Юйчжоу.

Цзи Юйчжоу поднял глаза, серьезно разглядывая лицо Цзян Сюньюя. На лице ребенка все еще сохранялась незрелость, свойственная юношам, но выражение его было решительным. Такое выражение Цзи Юйчжоу часто видел на лицах солдат, которые добровольно присягнули на верность Империи и легиону, но объектом привязанности ребенка был всего лишь он, этот «человек», оставляя в стороне его репутацию, личность и статус.

Цзи Юйчжоу незаметно отвел взгляд и медленно сказал: «Образование в армии отличается от образования вне ее. Оно длится два года. В первый год в основном изучаются культурные дисциплины и основные боевые навыки внутри легиона. После распределения по специализациям на второй год можно изучать управление мехами, авианосцами и другим оборудованием на разных базах, а также выбрать такое мелкомасштабное оружие массового поражения, как фотонная пушка. По окончании двух лет будет десятилетний срок службы, в течение которого тебя распределят по различным легионам в соответствии с твоим желанием и общей системой распределения. Нельзя увольняться по собственному желанию без особых причин».

Цзи Юйчжоу допил остатки кофе из чашки. Остывший кофе оставил коричневое кольцо на чашке: «Можешь еще раз подумать».

Пальцы Цзян Сюньюя бессознательно ковыряли край миски, голова снова опустилась, и он повторил те же слова, что и раньше: «Я хочу пойти». В уме он тихо добавил: Потому что Вы там.

«Хорошо, — Цзи Юйчжоу больше ничего не сказал, протянул свои длинные пальцы к Цзян Сюньюю и забрал документ обратно, — Ложись пораньше, завтра я отвезу тебя на регистрацию».

—

12 часов ночи.

Цзи Юйчжоу стоял у окна кабинета, глядя на далекие огни. Дом парил в воздухе, и ночной вид вокруг виден как на ладони. Цзи Юйчжоу постоял немного, а затем молча вернулся к своему столу и сел. Под яркой настольной лампой лежал документ, который Цзян Сюньюй подписал за ужином.

Документ был открыт на последней странице, имя «Цзян Сюньюй» было написано аккуратно, гораздо красивее, чем ожидал Цзи Юйчжоу.

Цзи Юйчжоу взял авторучку и подписал свое имя в графе «опекун».

Цзи Юйчжоу не испытывал к этим отношениям никаких особых чувств. Он просто стал опекуном, поскольку Цзян Сюньюю оставалось несколько месяцев до 18 лет, и это дало ребенку законное основание остаться здесь.

Когда он привел Цзян Сюньюя, он собирался воспитать его как доверенную пешку. В последнее время он тайно наблюдал за различными проявлениями Цзян Сюньюя.

Как он и предполагал, Цзян Сюньюй был застенчив, замкнут. Достаточно было дать ему немного добра, чтобы он был готов усердно работать на тебя и отдать за тебя свою жизнь.

Все шло по его плану. Он должен был отправить Цзян Сюньюя учиться, чтобы он получил основные знания, а затем, используя принуждение и побуждение, постепенно обучать и развивать его, воспитать и отправить в пиратскую банду в качестве шпиона, как свою надежную пешку.

По информации, которой располагал Цзи Юйчжоу, лидер пиратской банды был коварным и чрезвычайно жестоким, и цвет его глаз также отличался от обычного — они были желтыми. Подобный опыт часто мог легче вызвать резонанс, заслужить доверие... Даже если его личность будет раскрыта, это не имело значения. Цзян Сюньюй был просто подобранным ребенком, который не знал никаких секретов легиона.

План был идеален, но вечером, глядя на ясные голубые глаза ребенка, Цзи Юйчжоу вдруг немного заколебался.

Он закрыл колпачок ручки, положил документ в самый нижний ящик стола и запер его, выключил настольную лампу.

Кабинет мгновенно погрузился во тьму. Цзи Юйчжоу молча пошел обратно в свою комнату.

Ребенок только что поступил в легион, у него еще было много времени, чтобы принять решение.

—

<http://bllate.org/book/12842/1131881>